В. Ю. Яковлев

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ И ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В статье проводится теоретический анализ единства и дополнительности познавательного и ценностного измерения в структуре научного познания. Излагается принцип двойственности познавательно-ценностного отношения субъекта к реальности.

Ключевые слова: философия науки, основания научного знания, наука и ценности, истина, принцип объективности научного знания.

V. Yakovlev

PRINCIPLE OF OBJECTIVITY AND VALUE OF SCIENTIFIC COGNITION

A theoretical analysis of the unity and complementarity of cognitive and value dimensions in the structure of scientific cognition is given. The principle of duality of the cognitive-value attitude of the subject to the reality is described.

Keywords: philosophy of science, the basis of scientific knowledge, science and values, the truth, principle of objectivity of scientific knowledge.

Длительное время наука ориентировалась на «чистую» истину, независимую от человека и человечества, представленную вне практической деятельности социального субъекта. В соответствии с классическим пониманием истины в аристотелевской традиции утверждение истинно, если оно соответствует действительности. К. Поппер, в частности, отмечает: «суждение… истинно, если, и только если, оно соответствует фактам» [6, с. 380]. Однако сегодня объективистский принцип обоснования знания становится ограниченным. При этом более пристальном внимании к проблеме объективности знания возникает ряд вопросов. Как *возможно* суждение о соответствии? Как могут *соответствовать* друг другу знание и реальность? Как соотносятся *истинное* описание реальности и *ценностное* отношение к ней в структуре научного познания?

Классическая наука, исследуя объект, стремилась в его описании и теоретическом объяснении устранить по возможности всё, что соотносится с субъектом и процедурами его деятельности. Такое устранение рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинных знаний. Господствующим принципом стал объективизм, характеризующий стремление познать предмет «сам по себе», без учёта аксиологических условий производства знания в деятельности субъекта. Освобождение науки от верований и ценностей рассматривалось в качестве важнейшей установки, обязывающей субъекта ограничиваться объяснением объекта и устранять все ценностные суждения, которые могут воздействовать на процесс познания [1, с. 123].

Позитивистская концепция истины пыталась свести процедуру получения

истины к опыту. Р. Карнап, в частности, полагал, что установление истинности научной теории возможно путём прямой процедуры эмпирической проверки с помощью наблюдения, измерения и эксперимента, призванных верифицировать истинность научного знания. С позиций логического позитивизма образцом методологических конструкций являются формально-логические выражения языка науки. «Ценностные суждения являются не более чем приказами, принимающими грамматическую форму, вводящими нас в заблуждение, они не являются ни истинными, ни ложными», — утверждал Р. Карнап [3]. Неопозитивистский принцип, согласно которому ценностный компонент в структуре научного исследования представляет угрозу идеалам научности, несмотря на критику позитивизма, продолжает существовать в различных современных вариантах. Принято считать допустимым наличие ценностей в науках об обществе и человеческой культуре, однако считается очевидным, что в естествознании ценностные компоненты отсутствуют либо подлежат принципиальному устранению.

Критика неопозитивизма в «исторической школе» философии науки была связана с отходом от идеологии демаркации между наукой и метафизикой, а также системой ценностей когнитивного процесса. Признаётся неустранимость ценностных компонентов в структуре научного знания. Парадигма Т. Куна опирается на предпосылки ценностного содержания, неопровержимые на основании рациональных доводов. Более того, с позиций методологического «анархизма» П. Фейерабенда наметился принципиальный отказ говорить о существенных ценностных различиях между наукой, мифом и философией. Однако экспликация ценностей научного познания, взаимосвязь внутренних и внешних ценностей науки, исследование функций ценностей в процессе производства научного знания реализованы в «исторической школе» философии науки сугубо субъективным образом. В частности, выбор парадигмы, по Куну, определяется в социально-психологических терминах и напоминает процесс обращения учёных в новую веру или подобен переключению гештальта [4, с. 45].

Традиционно исследование ценностных компонентов знания в контексте выражения человеческой субъективности является основным предметом герменевтики, согласно которой возможности понимания исторически и социально ограничены знаково-символическим универсумом культуры. В то же время принятие этой идеи в герменевтике сопровождается традиционным отказом от объективно-истинной трактовки научного знания. Фундаментальным принципом герменевтики, представленной «философией жизни», является противопоставление естественных и гуманитарных наук по предмету (В. Дильтей) и методу (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) [9].

Отрицая объективистский идеал научного знания неопозитивизма, герменевтика абсолютизировала гуманитарный «органон», противопоставляя его методологии объяснения естественнонаучного знания. В частности, П. Рикёр однозначно утверждает, что герменевтический метод применим лишь к гуманитарным наукам, предмет которых, так или иначе, связан с потребностями интерпретации текста [8, с. 4].

Выработав солидный инструментарий обоснования понимания как специфического метода осмысления знания, показывая отличие процедур понимания и объяснения, герменевтика ограничилась применением этих идей к социально-гуманитарному знанию. Противопоставляя понимающий метод гуманитарного знания естественнонаучному методу объяснения, ортодоксальная герменевти-

ка фактически оставляет вне поля зрения процессы понимания и ценностного осмысления в естественных науках.

Утверждение, что понимание не приемлемо в естествознании, было обусловлено тем, что объект естественнонаучного знания воспринимался с наивно-реалистической позиции, предполагающей «прозрачность» беспредпосылочного схватывания предмета природы в его естественном состоянии. Гуманитарный объект, в отличие от предмета природы, подлежит «дешифровке» интерпретирующей деятельности, то есть не воспринимается как «естественный» для исследователя, который осмысливает объект в системе исторических моделей миропонимания.

Однако если рассматривать не готовое знание, изложенное в учебниках в форме некоторой совокупности истин, а живой процесс порождения знания, то следует признать, что познавательно-ценностные суждения характерны для целостной системы научного знания: как для естественных наук, так и для социально-гуманитарных дисциплин. Все сферы научного познания основываются на неявно принятых предпосылках познавательно-ценностных суждений, которые в гуманитарных науках лишаются иллюзии «прозрачности». Традиционное противопоставление понимания и объяснения, истины и ценностей основано на отождествлении дискурсивного знания и объективной реальности, которая трактуется как очевидная, «само собой разумеющаяся», «прозрачная» для естествознания. Предмет когнитивной деятельности воспринимается здесь как «естественный», не опосредованный процедурами смыслообразования, которые подобны «строительным лесам», необходимы в процессе создания научной теории.

Познавательно-ценностные суждения универсальны по своей природе. В процессе общественно-практической деятельности человек активно осваивает и «очеловечивает» реальность, оценивая познавательную ситуацию с позиций целей её практического преобразования. Когнитивное и ценностное отношения человека к действительности неразрывно взаимосвязаны между собой. В структуре познавательной деятельности происходит не только описание объекта, каков он «есть» сам по себе объективно, но реализуется определённое предписание того, каким «должен быть» предмет с позиций аксиологического отношения к миру. Любое используемое в науке понятие или суждение фактически является одновременно описательным и предписательным в силу чего трудно провести чёткую границу между познавательным (описывающим реальность) и ценностным (предписывающим) высказываниями.

Противоречивое единство познавательного и ценностного компонента научного познания является недостаточно исследованной проблемой теории познания, так как истина и ценность характеризуют противоположно направленные векторы в деятельности мышления, которые получают различное семантическое обоснование. Истина определяется соответствием знания объективной реальности, в то время как ценность характеризуется подведением объекта под историческое и практическое представление о «должном».

Сведение научного языка к истинным или ложным суждениям существенно упрощает и обедняет действительную сложность структуры познавательного процесса. В его процедурах могут превалировать: познавательно-гносеологический компонент знания или когнитивно-ценностные утверждения, в структуре которых познавательный и ценностный компоненты выражены в относительно равной мере. При этом объектно-истинное описание предмета, каков он «есть», и ценностный компонент, каким

он «должен быть» с позиций человеческой практики, не являются обособленными сторонами познания.

При всей важности гносеологического познавательного отношения к миру его нельзя считать более фундаментальным и значимым, ибо познание невозможно вне ценностной субпозиции, задающей основания когнитивной деятельности. Иными словами, познавательное отношение обусловлено и взаимосвязано с ценностным отношением к миру и возможно только в форме определённой нормативно-ценностной позиции социального субъекта, вне которой нет и самого знания. Кроме того, необходимо учитывать диахронический срез процесса производства знания, когда утверждение познавательного характера в результате развития и социальной трансляции знания становится нормой, парадигмальным принципом его осмысления, приобретая, таким образом, функции ценностного суждения. Конкретный характер типа суждений зависит от познавательного контекста употребления того или иного высказывания, которое не может находиться вне контекста исторического развития культуры и трансляции социального опыта познания.

Понятие «истина» и «ценность» являются взаимосвязанными и дополнительными для эпистемологии. Вместе с тем необходимо признать, что в теории познания истина является объектом пристального внимания исследователей, в то время как когнитивные ценности исследовались спорадически и не системно, интерес эпистемологии к ним был до недавних пор минимальным.

Ситуация осложняется тем, что ценности в структуре познавательной деятельности представлены не только эксплицитным, явно обозначенным образом, но и латентными, неявными оценками. В том случае, когда ценности традиционно характеризуются как явные оценочные суждения, например, добро и зло, границы ценностей сужаются до морально-философских суждений, которые оцениваются в качестве сугубо «внешних» для когнитивных процедур производства знания. Такое разграничение на практике ведёт к противопоставлению наук о культуре и наук о природе. При этом естественнонаучная натуралистическая установка представляется в качестве ориентации на получение объективной истины, в то время как гуманитарное знание связывается с процедурой «отнесения к ценностям» (Г. Риккерт). Иными словами, истина противопоставляется ценности, в результате чего научная рациональность сводится к фундаменталистским процедурам логико-методологического обоснования знания, в структуре которого ценности метафизического порядка трактуются как предрассудки.

Однако аналитические суждения о предмете, а также нормы и принципы познавательной деятельности выражают определённое ценностное отношение субъекта познания. Наряду с ними неявную ценностную функцию выполняют методологические стандарты познания, система предписаний и рекомендаций, что считать допустимым и значимым, заслуживающим внимания со стороны субъекта. В подавляющих случаях ценностное отношение реализуется не в явном виде, а имплицитно, в форме познавательно-ценностных суждений, в которых превалирование описания и оценки зависит от контекста высказывания. В одном контексте суждение соотносится с реальностью в терминах «истинно» или «ложно», в другом — оно предстаёт как оценка ситуации с позиций целей и ценностей субъекта когнитивной деятельности. Обе установки в процессе познания и коммуникации взаимосвязаны, предполагают и дополняют друг друга. При этом вектор познавательной и ценностной направленности языка науки прин-

ципиально различен: в первом варианте он указывает на объект реальности, в другом — на его соответствие ценностному отношению. Иными словами, описательное и ценностное суждение языка науки в логически «чистом» виде разнонаправлены. В описательном суждении сопоставляется содержание высказывания с реальным положением дел в действительности, такое высказывание может быть истинным или ложным. Ценностное суждение определяет позицию субъекта, перспективу его деятельности, в контексте которых суждение о предмете может быть должным или недолжным, существенным или несущественным и т. д.

Познавательное (объясняющее реальность) и ценностное суждения являются двумя взаимосвязанными «координатами» знания, образующими многочисленные переходные формы, из которых на практике строится научное познание. Таким образом, познавательное и ценностное отношения к объекту дополнительны и противопоставляются лишь силой абстракции. Отрыв ценностей от истины, аксиологического и гносеологического подхода, объяснения и понимания, сведение одного к другому представляется неоправданным упрощением реальной сложности познавательной деятельности, опирающейся на определённые предпосылки ценностного и мировоззренческого характера.

Чистых «истинных» описаний предмета, предполагающих соответствие действительности, не существует в науке, ибо в реальной практике исследования описание реальности неявно содержит аксиологические предписывающие требования, которые определяют, как использовать принципы познания, игнорируя одни факты в пользу других. В результате этого в условном смысле не реальность определяет теорию, а ценностно-осмысленная теория «предписывает», какой быть реальности.

Традиционное противопоставление объективной истины и субъективных ценностей в научном познании основано на неявном отождествлении мысли и объективной реальности, которая воспринимается как очевидная и естественная. Объект познания в классической науке трактовался как «естественный» и очевидный, не опосредованный мировоззренческими процедурами смыслообразования. Однако такая позиция классической рациональности в современной эпистемологии оценивается как наивно-рационалистическая, так как беспредпосылочного знания, не опосредованного неявными культурно-мировоззренческими предпосылками, обусловленными развитием научного познания как социального феномена, не существует.

Таким образом, упрощённое сведение научных высказываний к истинным или ложным существенно упрощает действительную сложность структуры познавательного процесса. В его контексте могут превалировать: познавательно-гносеологический компонент знания (теории и законы), ценностно-смысловые суждения и утверждения, в которых познавательный и ценностный компоненты выражены в относительно равной мере.

Суждения о фактах традиционно относятся к познавательным: имеется в виду презумпция связки «есть»: например, «данное тело движется с ускорением» и т. д. Вместе с тем, как показала критика неопозитивистской программы, со стороны исторического направления философии науки «чистых» фактов, существующих независимо от теории, не бывает. «Теоретически нагруженные» факты, чтобы соответствовать теории, «должны» (презумпция ценностей) обладать определёнными свойствами, в противном случае эвристическое значение теории становится проблематичным. И, наоборот, при смене теорий происходит изменение в понимании и интерпретации все-

го фактуального языка конкретной теории. Таким образом, познавательный модус факта со связкой «есть» предполагает аксиологичекий модус со связкой «должен». Иными словами, факты отнюдь не являются нейтральными по отношению к концептуальным ценностям теории, более того, они зависят от ценностей научной рациональности. В частности, нормы и ценности классической науки предполагали существование одной объективной истины, одной логики, одного онтологически неизменного факта как фундаментального основания истины научной теории. В современной постнеклассической науке факты трактуются как открытые, самоорганизующиеся системы, включающие фактор «становления бытия», историчности объектов познания [7]. Оценка фактов обусловлена, таким образом, не только со стороны собственно теории, но и со стороны ценностного контекста познания.

Наука опирается на опытные апробированные и обоснованные факты. Однако эти факты не только «теоретически нагружены», как заявил постпозитивизм, но и ценностно осмыслены. Они получают легитимное право именоваться фактами в силу того, что имеют определённое аксиологическое *значение*, выделяясь из тысячи других необходимых связей предмета. Иначе говоря, цель научного предприятия — объективная истина — не достижима без ценностного выбора, благодаря которому предметные свойства объекта обретают осмысленное значение, становятся действительным предметом познания. Таким образом, истина не может быть выражена сугубо рациональными логико-методологическими средствами научной теории, но является процессом, в котором происходит выделение предмета познания с помощью ценностно-осмысленных процедур понимания, благодаря которым объективные свойства и факты «как вещь в себе» «творятся» субъектом в идеальной (категориальной) форме как «вещь для нас». В силу этого эпистемологическая экспликация науки не может быть полноценной в отвлечении от целостной жизнедеятельности исторического субъекта и абстрагирования от его экзистенциально-аксиологической составляющей качеств, благодаря которым, в конечном итоге, возможно существование самого научного знания. Понятия «ценность», «смысл», «значение», «оценка» являются не только традиционно аксиологическими, но в свете сказанного выше предстают в новом, нетрадиционном качестве — в онтологическом и эпистемологическом статусе, как бытийное основание деятельности субъекта научного познания и духовно-практического освоения мира человеком. Истина перестаёт быть только атрибутом знания и теоретического разума, представление о ней углубляется до понимания её как деятельностной характеристики человеческого бытия.

Имея диалектический познавательно-ценностный характер, научные принципы, теории и законы могут выступать как в качестве онтологического описания объекта, так и в качестве аксиологического предписания [2]. Вне конкретной познавательной ситуации различие между аксиологическим и гносеологическим описанием провести невозможно. В обычной ситуации они дополнительным образом совпадают. Теорией предписывается, чтобы описываемый ею естественный ход событий совпадал в известных пределах с реальным ходом исследуемого процесса, чтобы ценностное «должен» не отрывалось от истинного описания со связкой «есть». Однако в ситуации, когда в теоретической области научного знания начинают накапливаться неустранимые парадоксы в объясняющих и понимающих процедурах между тем, что «есть» и тем, что «должно» быть в контексте теории, — возникает

дивергенция (расхождение) в плане концептуального понимания механизма исследуемого процесса, в результате чего ценность самой научной теории становится проблематичной.

Относительно конкретной научной теории выделяются внутренние и внешние ценности, опосредующие её формирование. Внутренние ценности определяют само содержание теории, являются условием её «языкового каркаса» и смыслового содержания. Внешние ценности образуют контекст, характеризующий совокупность общенаучных принципов, парадигм, научной картины мира, стиля мышления, научно-исследовательских программ, идеалов и норм познания, влияющих на создание теории, обеспечивающих условия теоретического освоения мира. Вне контекста познавательной ситуации невозможно однозначно установить, в каком качестве выступают принципы теории и научные законы, которые обладают противоречивой целостностью познавательно-ценностного характера, объясняют определённую совокупность фактов и выступают в качестве способа оценки и понимания теорий и соответствующих фактов.

С учётом этого обстоятельства научные законы также представляют противоречивое единство познавательного и ценностного компонентов. Подведение под закон, как процедура номологического объяснения характеризует закон, редуцированный к сугубо познавательной составляющей, в то время как ценностная компонента представлена в его содержании в свёрнутом виде. В отличие от этого закон, представленный с позиций соответствия объекта нормам и ценностям познания, характеризуется как предписывающее «понимание» явлений, как *должное* развитие объекта.

Научные законы не только объясняют реальность посредством верификации фактов, но и являются мерилами оценки положений некоторой конкретной теории или их совокупности. Таким образом, закон определяет и фиксирует в качестве необходимой, повторяющейся, универсальной связи не столько то, что «есть», а то, что «должно быть» в объясняемой реальности, с позиций данной теории. В ситуации, когда объясняющий момент абсолютизируется, закон и лежащие в его основании теории онтологизируются, становятся универсальной копией самой реальности. В противоположной ситуации, когда абсолютизируется предписательный контекст знания, его гносеологическое содержание становится лишь инструментальным средством (прагматизм, операционализм, конструктивизм, инструментализм) организации познания, которое трактуется субъективистским образом вне соприкосновения с объективной реальностью.

В структуре закона выделяются описательно-истинное положение и предписательно-ценностное утверждение, функционирующее в качестве стандарта взаимного ограничения положений теории. Обладая различной степенью общности, в частных эмпирических законах предписательная компонента может быть минимальной. Однако в ситуации, когда закон входит в метафизическое и методологическое основание теории, он становится стандартом оценки других ее положений и принципов.

В классическом понимании принципа объективности суждение истинно, если, и только если оно соответствует действительности. Подставим в данную формулу в качестве суждения известный закон Ома. Он гласит: порождаемый напряжением ток обратно пропорционален сопротивлению и прямо пропорционален порождающему его напряжению. Однако между перечисленными выше физическими силами не существует отношения «обратной и прямой пропорциональности», о которой говорит закон, предпола-

гающий в качестве основания определённую математическую теорию, а также саму возможность аксиологического применения математического инструментария к описанию физических процессов. Последнее было в ценностном отношении нелегитимно с позиций античного идеала научности и достоверности знания. Наряду с этим возможна различная концептуальная интерпретация данного закона, который в интегральной и дифференциальной форме получает различное физическое содержание. Величины, входящие в основание закона (вектор плотности тока, удельная проводимость, вектор напряжённости электрического поля), могут становиться в зависимости от выбранной субпозиции функциями координат или времени. Тот же закон для переменного и постоянного тока имеет различное теоретическое значение.

Важно отметить, что закон Ома в простейшем приближении представляет *линейное* описание зависимости тока от разности потенциалов, что является справедливым для некоторого ограниченного диапазона физических значений. В *нелинейных*, сложноорганизованных (синергетических) системах, в которых инерционность носителей заряда и скорость изменения электрического поля настолько велики, что нельзя пренебрегать зависимостью сопротивления от силы тока, наблюдаются «отклонения» от закона Ома.

Таким образом, универсальный закон, который может быть применен к любой физической системе для расчета гидравлических, пневматических, магнитных, электрических, световых, тепловых потоков, ограничен двусторонним образом: со стороны ценностных регулятивов познания социокультурного порядка и особенностей описываемого объекта. Было бы неверным утверждать, что закон Ома, определяющий зависимость силы электрического тока, существует «сам по себе» в электрической цепи вне познавательной активности человека как субъекта и объекта культуры и общественной практики. Научный закон является противоречивым, диалектическим единством объективного познания реальности и ценностного её осмысления в системе культуры на определённом этапе его исторического развития общественной практики. Иными словами, объективное знание конструируется историческим субъектом в процессе практического характера целеполагающей деятельности во взаимодействии с природой.

Становление естествознания предполагает наличие сложного математического инструментария описания природных процессов. Развитие математики обусловлено не только творческими потенциями самих учёных, но социокультурными предпосылками своего времени. Познание природы реализуется на основании содержательных культурно-исторических предпосылок использования когнитивного инструментария, посредством которого субъект познания, создавая идеальные теоретические модели, описывает мир [10]. При этом предметом исследования является не природа сама по себе, а природа для нас: как предмет активной целеполагающей деятельности человека. Иными словами, предметом описания является реальная или потенциальная деятельность с объектом в конкретной практической ситуации, а не объективная реальность как «вещь в себе», по Канту. При этом деятельность человека является открытой системой, не имеющей, так сказать, конечного фундаментального «дна», поскольку вместе с изменением смысловых оснований культуры трансформируется и концептуальное понимание предмета познания.

Иными словами, у любого научного суждения нет однозначного заданного объективными факторами значения и

смысла языка науки, который формируется в контексте социальной и познавательной ситуации в зависимости от целей и ценностей познавательной деятельности. Если утверждать, что научные знания описывают реальность, которая существует независимо от человека и человечества, считая, что немецкий физик Георг Ом открыл то, что извечно существовало, то необходимо признать, что «естественным» образом существуют математические объекты подобно тому, как существуют объективные идеи Платона или абсолютная идея Гегеля. Закон Ома, который в данном случае является примером любого другого закона, не является произвольным результатом деятельности человеческого разума и в то же время не существует сам по себе в природе. Научный закон можно определить как познавательно-ценностный феномен практического и смыслового освоения действительности в контексте культуры и практического способа человеческого бытия в мире.

Принято считать, что критерием истинности теории является практика. Однако научная теория описывает поведение идеальных объектов, которых нет в «чистом виде» в объективной сфере апробации теории. Тем не менее, субъект познания использует теорию на практике, если существует возможность опустить неточности описания реальных объектов с помощью идеальных. Иными словами, использование теории, являющейся продуктом человеческой деятельности, локально и контекстуально. Практическое обоснование имеет *опосредованный* характер, связанный с наличием неявных культурно-мировоззренческих аксиологических предпосылок, обусловленных развитием научного познания как социального института.

Объективное знание и ценности дополнительны: абсолютизация какой-то одной из сторон этой целостности приводит к тому, что принципы и методы научного исследования трактуются сугубо односторонне. В том случае, когда им даётся сугубо объективистская гносеологическая интерпретация в категориях истинно—ложно, научная методология отождествляется с определенным набором специфических, универсальных критериев научности, ограничивающих деятельность научного мышления однозначными принципами обоснования знания. В частности, классическая наука предполагала, что существуют универсальные, однозначные принципы и методы научного исследования. Противоположная стратегия, предполагающая отказ от универсальных критериев научности, в своей абсолютистской крайности размывает знание в социально-культурных детерминациях: результаты научного познания становятся условными конвенциями научных сообществ. Верно отмечая предписательность принципов, в подобной стратегии научное познание трактуется с позиций релятивизма. Примером такой позиции является методологический «плюрализм» П. Фейерабенда.

Представляется, что оба подхода характеризуют абсолютистские попытки односторонней интерпретации диалектического единства познавательного и ценностного контекста научного познания. Объективное знание при этом противопоставляется нормативно-ценностной составляющей исследовательской деятельности. Принципы научности интерпретируются либо как форма объективного отображения реальности, либо как релятивные (ценностные) предписания.

Сложность проблемы заключается в противоречивом единстве и взаимообусловленности рациональной ориентации науки на объективно-истинное познание мира и ценностное осмысление знания в процессе его социокультурной детерминации. Ценностные ориентации образуют предпосылки научного познания, ко-

торые, очевидно, не следует рассматривать в качестве некоего инертного фона развития знания, характеризующего лишь его специфику развития, а нужно эксплицировать в качестве необходимой составляющей конституирования знания, вне которого его производство становится невозможным. Ценностная компонента науки в последнем варианте не является чем-то внешним для неё, а характеризует внутреннюю когнитивную составляющую самого познавательного процесса.

Длительное время в философии науки господствовала идея демаркации научной рациональности от лишённых смысла метафизических и ценностных суждений субъекта познания. Рациональность отождествлялась с логикой и методологией науки, которая воплощалась в определённом инструментарии норм и методов рационального знания, выражающего универсальные критерии научности. Историческая школа философии науки признала ограниченность такого подхода, ориентируя на исследование относительности критериев научности. Социальные и культурно-исторические факторы перестают быть чисто внешними факторами, так как при определенных условиях через систему опосредований культурной коммуникации могут влиять на внутренние когнитивные процессы развития науки. В новой стратегии отрицаются универсальные стандарты рациональности науки: вопрос о критериях научности и объективности знания объявляется предметом конвенций научного сообщества. Однако при этом сама рациональность науки становится проблематичной. В концепции Т. Куна переход от одной парадигмы к другой иррационален и подобен обращению сторонников научной теории в некую новую для них конфессию. П. Фейерабенд дополняет тезис относительности принципов рациональности науки тем соображением, что не только нет универсальных критериев научности, но, согласно принципам методологического анархизма, «допустимо всё» [11, с. 153–159]. Верно отражая ценностный компонент рациональности науки как системы норм и принципов, неявно принимаемых научным сообществом, необоснованно отметается гносеологический смысл научного познания.

Таким образом, обе программы исследования научной рациональности в своей абсолютизации её принципов уязвимы и в этом смысле далеки от реального исторического процесса развития науки. Универсалистский подход нормативной эпистемологии не в состоянии описать трансляцию знания в рациональной сфере, в то время как «исторический» подход постпозитивизма оборачивается иррационализацией инициатив перехода от одних концептуальных моделей объяснения реальности к другим.

Дилемма «универсализма—историзма» критериев научности далеко не тривиальна: она вновь и вновь напоминает о себе как проблема рациональности науки, если познавательно-истинностный и ценностный компоненты научного познания абсолютизируются или противопоставляются друг другу. Однако нормативные критерии научности недопустимо рассматривать вне аксиологического компонента знания. И, наоборот, заявляя об историчности критериев рациональности, их метафизической и ценностной «нагруженности», нельзя забывать о рациональности науки, ориентированной на объективное, истинное, методологически обоснованное знание. Научная рациональность как феномен человеческой деятельности является когнитивно-ценностным единством осмысления мира в формах социального бытия человека как субъекта познания. В таком противоречивом единстве проблема рациональности не может решиться раз и навсегда уни-

версальным образом в логико-методологическом ключе, ибо это не частная логическая проблема, а форма мироотношения человека, познающего мир по меркам объективной предметности, практического преобразования и ценностно-смыслового освоения действительности.

Понятие «истина» не является устаревшим, как считают постмодернисты, а вслед за ними и некоторые отечественные авторы, которые утверждают, что понятие истины является мифоподобным по своему содержанию, что эпистемологии необходимо от него отказаться, ибо функция науки не в поиске истины ради неё самой, а в получении эффективно работающих теоретических конструкций. Постмодернизм говорит о конце «больших нарративов», под которым полагается неприемлемость объективного содержания знания и его зависимость от культурно-исторического контекста [5, с. 10–14]. Однако, с нашей точки зрения, понятие истины является «форпостом» науки, её сердцевиной и ценностно-смысловым основанием, элиминация которого из научного производства равнозначна отказу от науки как рационального предприятия. Понятие истины не устарело, как считают представители постмодернизма, а является главной эпистемической ценностью и смыслом познания, которое в различных сферах производства знания получает конкретное предметное содержание.

Истину нельзя оторвать от ценностей, ибо она сама является фундаментальной ценностью противоречивого процесса человеческого искания и служит идеальной целью всего познавательного предприятия. Изначальная детерминация познания системой внутренних и внешних по отношению к науке ценностей и смыслов существенно усложняет структуру производства истинного знания, но ни в коей мере не отрицает его объективный предметный характер. Нередко ценностные компоненты противопоставляются когнитивным, однако «нечеловекоразмерное» бытие, существующее «само по себе», нам не известно. Истина соотносится с социальным бытием человека, который не находится в позиции внешней ненаблюдаемости, как считала классическая гносеология, а находится внутри познавательного процесса, в котором объективное бытие становится «человекоразмерным», осмысленным предметным знанием именно благодаря ценностному отношению человека к миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агацци Э.* Моральное измерение науки и техники. М.: МФФ, 1998. 343 с.

2. *Ивин А. А.* Теория аргументации. М.: Гардарика, 2000. 416 с.

3. *Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки. М.: Academia. 2003. 360 с.

4. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.

5. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Алетейя. 1998. 159 с.

6. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 606 с.

7. *Пригожин И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.

8. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М.: Медиум, 1995. 416 с.

9. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

10. *Стёпин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс—Традиция, 2000. 744 с.

11. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс. 1986. 542 с.